

Заброшенный храм городского божества на западной окраине Цзиньчэна стал временным пристанищем Мэй-вана. По сравнению с ночлегом под мостом, здесь хотя бы были стены, способные защитить от ветра, пусть даже укрытые густой паутиной, с облупившимися статуями богов и алтарем, покрытым толстым слоем пыли. Воздух был пропитан запахом тлена. Однако для человека, который долгие дни изнывал от голода и холода, балансируя на грани жизни и смерти, это место казалось редким убежищем.

Он свернулся калачиком на ледяном полу, подстелив лишь немного сухой травы. Череду недавних мучений довела его и без того истощенное тело до предела: кожа стала бледной, почти прозрачной, губы потрескались, а глазницы глубоко запали. Но, как ни странно, в глубине этих глаз горело пламя, совершенно не вяжущееся с немощью плоти — пламя почти фанатичное.

Известие о скором прибытии Се Мовэя подействовало словно укол адреналина, влитый в его угасающую душу. Инстинкт выживания обострился до предела, подавив все физические страдания. Он должен выжить. Должен продержаться до того дня, когда явится Се Мовэй.

Голод по-прежнему преследовал его, как тень. Но теперь он перестал пассивно ждать подачек или подбирать объедки, а начал действовать на опережение, причем способом, куда более подходящим истинному облику Жун Му.

Пошатываясь, он добрался до оживленного рынка неподалеку. Его взгляд рыскал по сторонам, пока не остановился на лотке с мясными булочками. От дымящихся бао исходил дразнящий аромат, от которого пустой желудок болезненно сжался. Он не стал, подобно обычному нищему, робко просить милостыню. Вместо этого, на глазах у ошеломленного торговца и покупателей, он подошел вплотную и с быстротой молнии схватил два самых крупных бао, после чего бросился наутек.

— Эй! Ты, паршивый попрошайка! Да как ты посмел воровать у меня! — опомнившись, завопил торговец, схватил скалку и бросился в погоню.

Мэй-ван, он же Жун Му, изо всех сил мчался по узким переулкам. На бегу он запихивал в рот обжигающе горячие булочки, не обращая внимания на боль от ожогов. Бульон стекал по подбородку, смешиваясь с грязью, вид у него был крайне жалкий. Крики и топот ног торговца становились все ближе.

Когда до него оставалось совсем немного, беглец запихнул остатки второй булочки в рот, резко развернулся к преследователю и оскалился в гротескной, перемазанной жиром и начинкой улыбке. Его глаза подернулись притворной мутью, он начал размахивать руками и невнятно забормотал:

— Угощаю... угощаю тебя! Господин угощает! Ха-ха-ха! Вкусно! Как вкусно!

Торговец, сбитый с толку внезапным приступом безумия, замер на месте. Глядя на его сальную физиономию и нелепые ужимки, он брезгливо поморщился:

— Тьфу, проклятье! Оказался просто сумасшедшим. Какая гадость! — он сплюнул на землю и, махнув рукой, повернул назад: связываться с психом не было никакого желания.

Мэй-ван проводил взглядом удаляющуюся спину торговца. Его преувеличенная улыбка мгновенно погасла, сменившись ледяным спокойствием. Он медленно проглотил последний кусок и вытер рот грязным рукавом.

Безумец?

Он усмехнулся про себя. Верно, именно безумец.

Это осознание, словно вспышка молнии, рассеяло его прежнюю растерянность. Он начал лихорадочно перебирать и систематизировать обрывки памяти, оставшиеся от настоящего Жун Му. Те самые нелепые выходки, которые он раньше считал мусором и недостойным внимания: скачки на лошадях посреди улицы, приставания к добропорядочным девицам, пьяный бред, швыряние деньгами на ветер, кутежи с сомнительными друзьями, совершение всяческих возмутительных глупостей... Все эти черные страницы биографии, свидетельствовавшие о провальной жизни прежнего владельца тела, сейчас заиграли для него новыми красками.

Кто во всем Цзиньчэне не знает, что наследник семьи Жун — законченный сумасброд? Его скандальная репутация была общеизвестным фактом, его самой яркой визитной карточкой.

А что же он сам? Мэй-ван Ду, прошедший через холодное презрение ордена, изгнание, кровавые битвы в мире призраков, отравление ядом и унижительное перерождение... Череда этих катастроф закалила его характер, сделав его параноидальным и безумным, бесконечно далеким от понятия нормальности. Подавленная ярость, обида и жажда разрушения в любой момент могли вырваться наружу.

Один был поистине безумен и распутен, другой — притворялся безумным из паранойи.

Есть ли для посторонних какая-то разница?

Никакой разницы нет!

Безумец... ха-ха, отлично! Раз так, то почему бы и мне не побыть безумцем? В конце концов, мне это даже нравится!

Неописуемый восторг, смесь отчаяния и внезапного прозрения, нахлынул на него. Он нашел идеальную маску, соответствующую его нынешнему положению! Безумие станет его лучшим прикрытием и самым острым оружием.

Безумцу можно простить любые выходки — их будут воспринимать как нечто ожидаемое.

Безумец может беспрепятственно приближаться к нужным людям и выведывать информацию, не вызывая лишних подозрений.

Если безумец вдруг обронит взгляд или слово, не свойственные Жун Му, это всегда можно списать на очередной приступ бреда.

Это был настоящий подарок судьбы!

Он больше не ограничивался кражей еды. Он начал куда активнее вживаться в роль.

Иногда он внезапно подбегал к уличному торговцу, указывал на товар и кричал с той самой высокомерной, слегка истеричной ноткой, присущей оригиналу:

— Это! Это! Господин желает это! Заверните!

Когда торговец, дрожа, просил оплату, он тут же менялся в лице, растерянно шарил по карманам и вдруг восклицал:

— Деньги? Какие еще деньги? Разве господину нужно носить с собой деньги? Запишите на счет семьи Жун!

Сказав это, он не дожидаясь ответа, хватал вещь и уходил. Если его пытались прогнать, он начинал нести околесицу, доводя людей до бешенства или смеха, и те, махнув рукой, списывали все на очередной приступ сумасшедшего.

Иногда он специально выбирал людные места и громко выкрикивал туманные, но явно намекающие на что-то фразы:

— Семья Жун... хе-хе... там призраки завелись... хорошо! Так им и надо, пусть все передохнут!

— Бессмертный господин? Какой еще бессмертный господин? Разве он может быть благороднее меня, молодого господина Жун? Ха-ха-ха!

— Вы только подождите... вот я... хе-хе... я вам еще покажу...

Эти слова, перемежаемые безумным смехом и жуткими паузами, лишь укрепляли прохожих в мысли, что изгнанник из семьи Жун окончательно тронулся умом от пережитого потрясения. Они лишь качали головами и старались держаться подальше. Но только Мэй-ван знал, сколько настоящей ненависти и планов на будущее было скрыто в этом бреде.

Пользуясь прикрытием безумия, он начал целенаправленно кружить вокруг поместья Жун. Он

больше не прятался, напротив, специально появлялся на глазах у слуг и стражи, знавших Жун Му в лицо, и выделял всякие странности: плевал на ворота, разговаривал с каменными львами, то безудержно хохотал, то сидел в углу и беззвучно плакал.

Он хотел, чтобы все привыкли к его присутствию, привыкли к его безумию. Чтобы его появление стало чем-то обыденным и не вызывало тревоги.

В процессе он внимательно наблюдал. Следил за движением в поместье, за тем, кто входит и выходит, пытаясь из обрывков фраз слуг собрать больше сведений о нечистой силе и некоем бессмертном господине.

Голод и холод никуда не делись, но теперь сердце Мэй-вана было наполнено невиданным доселе возбуждением. Он больше не был жалким существом, пассивно принимающим удары судьбы — он нашел точку опоры для контрудара. Пусть даже эта опора строилась на унижительном статусе безумца.

Снова наступила ночь, в разрушенном храме завывал ветер. Мэй-ван сидел у ледяной стены, доедая украденную жесткую лепешку, и его глаза мерцали в темноте холодным блеском.

Безумие — это и броня, и острый клинок.

Се Мовэй, ты готов... встретить безумца?

Уголки его губ изогнулись в холодной, кривой усмешке, когда он проглотил последние крошки.

Настоящее представление только начинается.

<http://bllate.org/book/18805/1828731>